

Владимир Григорьевич Вишнеvский

*Доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук
E-mail: vishnevskiy-vg@mail.ru*

**Образы права в русской живописи XVIII—XIX веков
и правовая культура
(Окончание)***

Vladimir Grigoryevich Vishnevskiy

Associate Professor of the Department of theory and history of state and law, Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Candidate of legal Sciences

**The Images of Law in the Russian Painting
of XVIII—XIX Centuries and Legal Culture**

Напомним, что в первой части статьи речь шла о введении Минюстом России новой учебной дисциплины «Право и история художественной

---

* Начало опубликовано в № 4 журнала «Правовая культура» за 2015 г.

культуры», объект которой совпадает с объектом дисциплины «Теория и история государства и права», а предметом является отражение средствами искусства природы и сущности права.

В качестве примера рассмотрим художественное изображение исторического события — «стрелецкого бунта» 1698 г. и его подавления Петром I. Чаще всего это событие привлекает внимание историков, политологов, философов, которые дают ему оценку с политической точки зрения. Жестокое подавление бунта оправдывается ими политической необходимостью проведения реформ для выведения страны из застоя, еще сохранившегося в России в XVIII в.

Примерно такое же толкование деятельности Петра I дает в своей картине «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе» выдающийся русский художник Н. Н. Ге. «Все симпатии художника были на стороне Петра I. Оправдывая его жестокость, как жертву личным ради высших государственных целей, Ге не расходился в оценке Петра I, его деятельности с передовой демократической интеллигенцией (В. В. Стасов, М. Е. Салтыков-Щедрин и др.)¹. Однако никакая жестокость не может быть оправдана какими бы то ни было благими намерениями, ибо это приводит к признанию известного принципа, выдвинутого Н. Макиавелли: «Цель оправдывает средства». Подобных трагических ошибок в нашей истории множество.

В России после татаро-монгольского завоевания складывается новая,

Петр I допрашивает
Алексея Петровича в Петергофе
Картина Н. Н. Ге

более изощренная система наказаний. «Наши предки воспитывались около плах и эшафотов, никогда они не собирались в большем многолюдстве, чем в дни торговых казней или военных экзекуций»². Под правом власти понимали закон, который писан кнутом и кровью. «Законодательная деятельность Петра I в области уголовного права была чрезвычайно интенсивной. Исследователи насчитывают

только указов уголовно-правового характера 392»³. Правовая культура в России отсутствовала, как и правовые законы. Произвол и насилие были возведены в норму жизни русского человека, законы утратили свое первоначальное

¹ Право и история художественной культуры. М., 2012. С. 163.

² Евреинов Н. История телесных наказаний в России. Харьков, 1994. С. 7.

³ Законодательство России X–XX вв. Т. 5. М., 1987. С. 314.

назначение. Не случайно народ сформулировал поговорку: «Где закон, там и преступление». И понимание права в России распространилось как форма не правового закона, что породило неуважение к праву и недоверие к правосудию.

В 1881 г. выдающийся русский художник В. И. Суриков закончил картину «Утро стрелецкой казни», раскрыв, через эстетическое восприятие, не только политический, но и правовой характер этого исторического события. Используя средства и способы живописи, художник дает ему своеобразную трактовку.

По-новому осмысливается образ Петра, раскрывается сущность без-

Утро стрелецкой казни
Картина В. И. Сурикова

умного и чудовищного проявления болезненного состояния воли человека, когда она ничем не ограничена. Суриков не останавливается на толковании темы преступления и наказания в бунте стрельцов. Он рисует широкое историческое полотно общественного и государственного развития России конца XVII – начала XVIII вв., главным героем которого выступает угнетенный народ, подобно тому, как в опере «Иван Сусанин» М. И. Глинки народ составляет ведущую силу и основу государства.

Соборное уложение 1649 г. расширило степень применения телесных наказаний. «Секли и резали руки, ноги, пальцы без всяких особых правил; рубили не задумываясь, как удобнее повернется»¹. В эпоху Петра Великого значительно усилились произвол и насилие: «...телесные наказания достигли на Руси самого пышного расцвета. Страшная дикость нравов, полное равнодушие, если не страсть, к различным истязаниям, себе подобных, не знала предела»². Судебник 1555 г. объявил закон единственным источником права, и идея наказания приобрела в законе характер устрашения.

¹ Евреинов Н. Указ. соч. С. 29.

² Там же. С. 48.

В. И. Суриков показывает в картине откровенный правовой произвол императора, вместо судебного разбирательства — проведен розыск. Оправдание жестокости царя его эмоциональным негодованием по поводу противостояния стрельцов проводимым им реформам звучит неубедительно. Еще в 1697 г. Петр I ясно сформулировал свою позицию: «Суду и очным ставкам не быть, а ведать все дела розыском»¹, т. е. инквизиционным процессом, допускавшим применение пыток. Пытки применялись к подозреваемым, применялись и повторные пытки, а тяжесть их определялась самими судьями. Таков путь установления истины, по которому шел великий преобразователь.

В результате проведенного первого шеиновского розыска над стрельцами было казнено 130 человек, бито кнутом — 140, 1965 человек разослано по городам и монастырям. Однако Петр I был недоволен проведенным Шеиным розыском, и казни продолжились. С одиннадцатого по двадцать первое октября было повешено 965 человек. «195 стрельцов повешено перед кельей царевны Софьи. Петр собственноручно отрубил головы пятерым стрельцам. Князь Ромодановский отсек четыре головы; любимец Петра Алексашка (Меньшиков) хвалился, что обезглавил 20 человек; полковник Преображенского полка Блюмберг и Лефорт отказались от упражнений, говоря, что в их землях этого не водится»². Петр Великий жестоко расправлялся не только с врагами (нарушителями его воли), «...он не церемонился и с женщинами, собственноручно истязал своих бывших любовниц, приказывал их сечь плетью, батогами, кошками. Красавице Гамильтон он приказал отрубить голову, и когда она скатилась на землю, Петр поднял ее, поцеловал, перекрестился и уехал»³.

Кнут и шпицрутены для Петра I значили «управлять, судить и писать законы». В Соборном уложении 1649 г. смертная казнь предусматривалась в 35 случаях, а в Артикуле воинском Петра Великого — в 122 случаях. «Так, смертная казнь устанавливалась и за политические преступления, и за убийство, и за богохульство, и за сон на карауле, т. е. за самые разнообразные по тяжести преступления»⁴. Подобное законотворчество напоминает нам законы Драконта VII в. до н. э. и варварские правды Средних веков. В этом смысле «Уложение Алексея Михайловича (Соборное уложение 1649 г.), рядом с законодательными постановлениями Петра Великого и последующих государей, кажется даже милосердным»⁵.

Отодвинув в своей картине царя на второй план, В. И. Суриков как бы говорит, что цари приходят и уходят, а народ остается главной творящей силой общественного развития. В гневном и беспощадном взгляде царя художник отражает не ненависть к прошлому, тормозящему развитие государства (как об этом часто пишут специалисты), а черты деспотизма владыки, воля которого была нарушена. Для него все — его близкое окружение, чиновники и весь остальной народ — суть рабы — *instrumentum vocalis* (говорящее орудие). И если царь Хаммурапи (1790—1750 гг. до н. э.) говорит в своих законах, что его жезл — жезл правости, то Петр I не принимает правовую материю как

¹ *Чельцов-Бebutov M. A.* Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995. С. 708.

² *Соловьев С. М.* Об истории новой России. М., 1993. С. 80.

³ *Евринов Н.* Указ. соч. С. 64.

⁴ Законодательство России X—XX вв. Т. 5. М., 1987. С. 323.

⁵ *Евринов Н.* Указ. соч. С. 52.

высшую ценность человеческой цивилизации. Поэтому Суриков и рисует его деспотом, не признающим понятия справедливости, разумности, гуманности и милосердия, которые отделили человека от мира животных. В указе 1714 г. давалось определение преступления, предоставлявшее широкий простор для привлечения к уголовной ответственности: «Все то, что вред и убыток государству приключить может, суть преступление»¹. Такое определение есть яркое проявление примера закона не правового характера, искажающего сущность права и его природу. Более того, Петр I признавал преступлением и голый умысел: «Такое же равное наказание чинится над тем, которого преступление хотя к действию и не произведено, но токмо его воля и хотение тому было»².

Ученые, оправдывающие жестокость Петра I с политической точки зрения необходимостью проводимых им реформ, упускают из виду оценку его деятельности с точки зрения права как эстетической категории.

Под законом Петр Великий понимал свою личную волю, свой произвол, не имевший правового характера, не знавший ограничений и запретов, поэтому такой интенсивной была его законотворческая деятельность. Законом он хотел урегулировать все существующие общественные отношения и даже мысли граждан. При этом забывалось одно важное обстоятельство — нельзя ставить знак равенства между правом и законом, выражающим лишь волю императора. Это разные понятия, разные категории, что создает особую сложность в оценке действий Петра Великого, отраженных в картине «Утро стрелецкой казни» Сурикова.

Композиционно Суриков раскрывает широкое историческое полотно пути развития России XVII — XVIII вв. Дорога стрельцов, утверждающих искусствоведы, уходит на картине влево, в «безвозвратное прошлое», а новая Россия через виселицы уходит нас вправо, в «будущее». Какое будущее? Они об этом умалчивают! Однако стрельцы Сурикова есть образ народа из восстаний Болотникова, Степана Разина и Емельяна Пугачева. Симпатии художника явно на стороне народа. Народ изображается им в картине, несмотря на трагический момент, светлой, чистой, созидательной силой общественного развития. «То обстоятельство, что в условиях крепостного права был все-таки достигнут уровень социально-экономического развития, необходимый для становления и дальнейшего упрочения капиталистических отношений в стране, является заслугой многомиллионного трудового русского народа»³.

И совершенно непонятно утверждение искусствоведов, что народ в образе стрельцов стоит за старые устои и порядки правления средневекового феодализма. Напротив, бунт стрельцов был вызван притеснениями и произволом властей методами средневекового феодализма. «Уже первые допросы, в том числе Зорина и других активных деятелей восстания, его руководителей, показали Петру, что участники движения начали его из-за своих тягот и нищеты»⁴. Тем не менее стрелецкий бунт привел Петра в ярость: «А смерти они достойны и за одну провинность, что забунтовали»⁵. Причины бунта, таким образом, царя не интересовали, ему нужно было установить связи

¹ Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995. С. 708.

² Там же. С. 708.

³ Развитие русского права второй половины XVII—XVIII в. М., 1992. С. 31.

⁴ Буганов В. И. Петр Великий и его время. М., 1989. С. 53.

⁵ Там же.

его участников с ненавистной ему Софьей. «Но попытка доказать ее прямые связи с руководителями волнений, в частности, направление им Софьей подстрекательского инструктивного письма, не увенчалась успехом, несмотря на то, что Петр I самолично участвовал в расследовании, допрашивал Софью, делал ей очные ставки.

Не помогли в установлении истины и жестокие пытки, которым подвергались лица из близкого окружения царевны»¹.

Изображение народа на переднем плане картины символизирует собой его борьбу за свободу, честь и достоинство. Секретарь австрийского посольства в России Иоганн Георг Корб в своем «Дневнике путешествия в Московию» описал казнь стрельцов. Он сообщает, что один стрелец, подойдя к плахе, сказал царю Петру, стоявшему поблизости: «Посторонись, государь. Это я должен здесь лечь». Так сказать мог только человек с достоинством, свободолюбивый, убежденный в своей правоте в борьбе за свободу. Такими и изображает восставших Суриков. Воля их не сломлена, они противостоят царскому произволу и насилию над народом, у них нет страха перед царем и тем более перед плахой. Такое выражение веры в правоту своего дела было бы ошибочно объяснять только узкими интересами стрельцов в борьбе за смену власти. Суриков долго подбирал лица своих героев, чтобы показать характерные черты целостности личности стрельцов, их стойкость, свободолюбие, непреклонность в служении народным идеалам. Только три стрельца из почти двух тысяч казненных повинились и просили о помиловании. Остальные шли на смерть, не раскаявшись, и умирали с мужеством.

Второй путь развития России В. И. Суриков показывает в направлении конной фигуры Петра. Этот путь трактуется искусствоведами (и не только ими) как прогрессивный путь будущего развития России. Но почему-то при этом умалчивается, что это был путь виселиц и казней, произвола и насилия, каторги и невиданного закрепощения крестьян, результатом которого и стало полное отставание России от развитой Европы в экономике, политике и праве. Художник не изображает в картине саму казнь, но в глубине, за фигурой императора стоят виселицы, не двусмысленно говорящие об этом будущем России.

Рядом с Петром I художник изобразил двух наблюдателей: наемника и боярина, находящихся в глубокой задумчивости. Взгляд, поза и жесты их говорят сами за себя. Таким образом изображены размышления европейца и русского о происходящем событии, призывающие задуматься о дальнейших путях развития общества.

Картина В. И. Сурикова «Утро стрелецкой казни» раскрывает не только и даже не столько проблему преступления и наказания, сколько сложность вопроса познания сущности права. От решения этого вопроса зависит, по мнению художника, оценка многих общественных явлений и событий. Она зависит и от нашего понимания, от нашего общего уровня культуры и, конечно, от уровня правосознания и профессиональной культуры юристов.

Пристатейный библиографический список

1. Буганов, В. И. Петр Великий и его время / В. И. Буганов. — М. : Наука, 1989. — 192 с.

---

¹ Алексеев А. И. Юридическая действительность в изобразительном искусстве. М., 2007. С. 91.

2. Евреинов, Н. История телесных наказаний в России / Н. Евреинов. — Харьков : Прогресс ЛТД, 1994. — 235 с.

3. Развитие русского права второй половины XVII—XVIII в. / С. И. Штамм, И. А. Исаев, Н. Н. Ефремова и др. — М. : Наука, 1992. — 312 с.

4. Соловьев, С. М. Об истории новой России / С. М. Соловьев. — М. : Просвещение, 1993. — 559 с.

5. Чельцов-Бебутов, М. А. Курс уголовно-процессуального права / М. А. Чельцов-Бебутов. — СПб. : Альфа : Равена, 1995. — 846 с.

References

1. Buganov, V. I. Petr Velikii i ego vremena [Peter the Great and his time] / V. I. Buganov. — М.: Nauka, 1989. — 192 p.

2. Chel'cov-Bebutov, M. A. Kurs ugolovno-processual'nogo prava [The course of criminal procedural law] / M. A. Chel'cov-Bebutov. — SPb.: Al'fa : Ravena, 1995. — 846 p.

3. Evreinov, N. Istorija telesnyh nakazaniy v Rossii [The history of corporal punishment in Russia] / N. Evreinov. — Har'kov: Progress LTD, 1994. — 235 p.

4. Razvitie russkogo prava vtoroj poloviny XVII—XVIII v. [Development of Russian law the second half of XVII—XVIII in] / S. I. Shtamm, I. A. Isaev, N. N. Efremova i dr. — М.: Nauka, 1992. — 312 p.

5. Solov'ev, S. M. Ob istorii novoj Rossii [About the history of new Russia] / S. M. Solov'ev. — М.: Prosveshhenie, 1993. — 559 p.